

Ойкотип «дикого человека»: Гималаи и Тибет

Виктория Б. Новикова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, jranchik@gmail.com*

Аннотация. Статья представляет собой анализ описаний «дикого человека» (йети, мигой и др.) в регионе Гималаев и Тибета. Исследование основано на текстах, собранных у различных этнических групп (шерпы, тибетцы, лепча и др.), а также из записей путешественников и публикаций XX в., включая материалы советской Комиссии по снежному человеку. Выявлен устойчивый региональный ойкотип: длинные руки, крупные зубы, специфическое направление роста шерсти, отсутствие речи, неиспользование огня, временное и пространственное дистанцирование, специфические следы присутствия в настоящем (свист, визг или крик, ощущения удушья или тревоги, резкий запах) и прошлом (отпечатки ног, остатки особенной пищи или пищи, съеденной определенным образом, гнезда, пирамидки из веток). Однако выделяются локальные отличия бутанских описаний – маркирование присутствия в первую очередь резким запахом, а не звуками и отсутствие страха огня. Проанализированные описания роста «дикого человека» подтвердили ранее отмеченную Г. Фортм бимодальность – одновременное описание как более высокого, так и более низкого, чем человек, существа. Важной функцией «дикого человека» является маркирование им подвижной семиотической границы между освоенным, человеческим пространством и неосвоенным, диким миром.

Ключевые слова: дикий человек, мигой, йети, ойкотип, граница

Дата поступления статьи: 14 сентября 2025 г.

Дата одобрения рецензентами: 24 октября 2025 г.

Дата публикации: 26 марта 2026 г.

Для цитирования: Новикова В.Б. Ойкотип «дикого человека»: Гималаи и Тибет // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2026. Т. 9. № 1. С. 115–127. DOI: 10.28995/2658-5294-2026-9-1-115-127

The “Wild Man” oikotype: The Himalayas and Tibet

Victoria B. Novikova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, jranchik@gmail.com*

Abstract. The article presents an analysis of the “Wild Man” (Yeti, Migoi, etc.) in the region of the Himalayas and Tibet. The study is based on texts collected from various ethnic groups (Sherpa, Tibetans, Lepcha, etc.), as well as from travelers’ records and 20th-century publications, including materials from the Soviet “Commission on the Snowman”. A stable regional oikotype has been identified: long arms, large teeth, specific direction of fur growth, absence of speech, non-use of fire, temporal and spatial distancing, specific signs of presence in the present (whistling, screeching or crying, sensations of suffocation or anxiety, sharp smell) and in the past (footprints, remains of particular food/food eaten in a specific way, nests, pyramids of twigs). However, local differences in Bhutanese descriptions are highlighted – marking presence primarily by a sharp smell, not by sounds, and absence of fear of fire. The analyzed descriptions of the “Wild Man’s” height confirmed the previously noted bimodality by G. Forth – the simultaneous description of both a taller-than-human and a shorter creature. An important function of the “Wild Man” is its marking of a shifting semiotic boundary between mastered, human space and the unmastered, wild world.

Keywords: wild man, migoi, yeti, oikotype, border

Received: September 14, 2025

Approved after reviewing: October 24, 2025

Date of publication: March 26, 2026

For citation: Novikova, V.B. (2026), “The ‘Wild Man’ oikotype: The Himalayas and Tibet”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 9, no. 1, pp. 115–127, DOI: 10.28995/2658-5294-2026-9-1-115-127

Регион Гималаев и Тибета очерчивается по одноименным горным системам. На этой территории расположены различные государства: Бутан, Непал, Индия, Китай (Тибетский автономный район), Пакистан и Мьянма. Проанализированные тексты записаны у шерпов (проживают в Непале, Индии и Тибетском автономном районе), тибетцев (Тибетский автономный район), лепча (Бутан, Непал, Индия), лаяп (Бутан), индийцев (без указания конкретной народности, Индия), брокпа (Бутан), таманги (Непал). Часто не удается восстановить национальность

рассказчиков, но известен район – такое обычно происходит, например, в случае с путешественниками, паломниками или торговцами. Тем не менее указания территории записи можно считать достаточным для проведенного анализа по выявлению особенностей ойкотипа.

Материалом для анализа стали 177 текстов. Из них основной массив – 147 текстов из «Информационных материалов Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке»» (выпуски 1–6, 11–12, в которых представлены материалы по этому региону)¹. Материал разнообразен: записки путешественников, предания, поверья, письма в газету. Большая часть текстов записана у шерпов (115); часть текстов включает наблюдения иностранных путешественников и участников экспедиций (37); от тибетцев (20), индийцев (2), лепча (1), таманги (1). Некоторые тексты, записанные в Бутане (4) и Непале (4), приводятся без указания народностей – М.Ф. Альбедиль отмечает, что и в самом Непале не существует репрезентативного свода фольклорного материала, собранного у разных этносов этой полиэтнической страны [Альбедиль 2025, с. 100].

Помимо них проанализированы 24 литературно обработанных бутанских текста²: два текста лаяпов, пять текстов брокпа, восемь текстов из региона Куртой, десять – из Бумтанга, один текст лепча³, шесть текстов шерпа⁴. Подавляющее большинство текстов собрано и издано в XX в. На данном этапе исследования были использованы все доступные материалы, но картина может корректироваться по мере пополнения нашей базы новыми текстами. Также за рамками данной статьи остались демонологические признаки, которыми в указанных традициях может обладать «дикий человек».

¹ Информационные материалы Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке» / под ред. Б.Ф. Поршнева, А.А. Шмакова; АН СССР. Вып. 1–2. М.: [Академия наук СССР], 1958; Вып. 3. М.: [б. и.], 1959; Вып. 4. М.: [Всеросс. о-во содействия охране природы и озеленению населенных пунктов. Центр. совет], 1959; Вып. 5. М.: [Б. и.], 1960; Вып. 6. М.: [Б. и.], 1959; Вып. 11. М.: [Объединение криптозоологов при Дарвиновском музее], 1991; Вып. 12. М.: [Б. и.], 2020.

² *Kunzang Choden*. Bhutanese tales of the yeti. Bangkok: White Lotus Press, 1997. 150 p.

³ *Beauvoir Stocks C., de*. Folklore and customs of the Lap-chas of Sikkim // Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal. 1925. Vol. 21. No. 4. P. 457–458.

⁴ *Shiva Dhakal*. Folk tales of Sherpa and yeti / with a foreword by M.P. Regmi. Jaipur: Nirala Publications, 1991. 91 p.

Классификации «дикого человека»

М. Оппитц приводит следующую классификацию йети, по мнению шерпов: *дрема* или *телма*, «вестники гибели», – мохнатые двуногие существа, появляющиеся только группами, встреча с ними считается дурным предзнаменованием; *чути* – убийцы скота, размером с медведя и ходящие на четырех ногах; *мити* – агрессивный похититель людей (в основном женщин), прямоходящее существо ростом с человека с вывернутыми назад ногами (пятка и носок расположены наоборот – кто этого не знает, тот будет следовать за йети в ложном направлении) [Oppitz 1968, S. 138–139]. Чарльз Стонор приводит схожую, но не включающую *дрема*, классификацию шерпов: *дзу-ти* – огромное животное, ходящее на четырех конечностях и более похожее на медведя; *мих-ти* или *йети* – непосредственно «дикий человек», ростом чуть ниже человека⁵. Шерпа Тенцинг приводит схожую классификацию, утверждая, что шерпы выделяют йети двух родов: *метрей*, людоед, и *чутрей*, который поедает только животных. Из них чутрей якобы крупнее, напоминает большого бурого медведя, только у него, как у всех йети, ноги вывернуты задом наперед⁶.

Кунзанг Чоден приводит следующие размышления: «В разных регионах Гималаев он <дикий человек> известен под разными названиями; для тибетцев это *банг ми* (человек-ледник), *ми шорн по* (сильный человек) и *ми чен по* (великий человек); для шерпов – *йети*; лепча называют его *чу мунг* (снежный гоблин) или *хло мунг* (горный гоблин); для непальцев это *ньялму* или *бан манче*, а в Бутане мы называем его *мигой* (сильный человек) или *гредпо*. Мигой – неотъемлемая часть нашего существования в Гималаях»⁷.

Классификации Стонора и Оппитца (внешних наблюдателей), Тенцинга и Кузанг Чоден (рефлектирующих носителей традиции), видимо, в значительной мере строятся на многозначности терминов, откуда и возникает представление о наличии нескольких сходных по названиям сущностей, семантические границы между которыми нечетки и подвижны. Стоит отметить, что в тибетских языках звуки в произносимых словах очень сильно варьируются, что также затрудняет различение номинаций [Swami 1957, p. 362].

⁵ Стонор Ч. Шерпы и снежный человек. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. С. 86.

⁶ Ullman J.R. Tiger of the snows: the autobiography of Tenzing of Everest. N.Y.: G.P. Putnam's Sons, 1955. P. 76.

⁷ Kunzang Choden. Op. cit. P. 7.

Тем не менее важно отметить основные лексемы, используемые для номинации⁸: *mi, mih, me, meh* – человек (тибет.) [Swami 1957, р. 362]; *te, teh, tre, dred* – медведь (тибет.) [Swami 1957, р. 362]⁹; *gang, kang* – снег (тибет.) [Swami 1957, р. 362]; *yeh / ye* (тибет.) – скалистое место, снежная гора¹⁰; *mung* (лепча) – душа, дух (в том числе умершего); злой дух, демон, дьявол¹¹; *chu / chyoo* (лепча) – заснеженный хребет, Гималаи как снежная вершина¹²; *rgod / gö* (тибет.), *goi* (бутан.) – дикий, грубый, безрассудный¹³.

Описания внешнего вида

Половой диморфизм в описаниях «дикого человека» в регионе выражен только длинными свисающими грудями у самок (могут держать в руках; при беге закидывать их за спину), по которым их и отличают. Но есть одно логичное поведенческое отличие: самки похищают мужчин, а самцы – женщин.

Описания цвета шерсти «дикого человека» разнятся незначительно, чаще всего это комбинация рыжего, серого, черного и бурого. Иногда отмечается более светлая шерсть на животе или груди. Характерным признаком является упоминание необычного направления роста шерсти: она растет на верхней половине туловища вверх, а на нижней – вниз (шерпа). В бутанских вариантах часто упоминается направление роста шерсти относительно локтя: выше локтя шерсть растет вверх, а ниже локтя – вниз. Нет никаких упоминаний об одежде.

Из уникальных отличительных признаков тибетцы выделяют сутулость, шерпа – остроконечную голову, в районе Куртед (Бутан) – полость в спине¹⁴. Общими признаками в описаниях по всему региону являются длинные и крупные руки, большие зубы и глаза.

⁸ Неклюдов С.Ю. Опыт сравнительной демонимии: «дикие люди» Центральной Азии (рукопись).

⁹ См. также: Eberhart G.M. Mysterious creatures: A guide to cryptozoology. Santa Barbara, California; Denver, Colorado; Oxford, England: ABC-CLIO, 2002. P. 608.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Dictionary of the Lepcha-language / comp. by G.B. Mainwaring, rev. and completed by A. Griinwedel. Berlin: Unger Brothers, 1898. P. 294.

¹² The Lepcha-English encyclopaedic dictionary / comp. by K.P. Aathing. Tamsang. 2nd ed. Kalimpong: Mani Printing Press, 2009. P. 306.

¹³ Wörterbuch der tibetischen Schriftsprache. S. 407. URL: <https://wts-digital.badw.de> (дата обращения: 05.10.2025).

¹⁴ Kunzang Choden. Op. cit. P. 81, 84, 107.

Устойчивость регионального образа «дикого человека» подтверждается наблюдением Р. Небески-Войковица, отмечавшего, что утверждения тибетцев, шерпов и лепча относительно внешнего вида во многом совпадают¹⁵. Однако внешний вид «дикого человека» в регионе имеет одно основное различие – это размер. Можно выделить два отличных типа. По описаниям шерпов, он выглядит как небольшой человек или подросток. Но есть и описания, совпадающие с бутанскими, где его описывают как гиганта, ростом от двух метров.

Сильно различающийся рост «дикого человека», находящийся в диапазоне от 1,2 до 2,3 метра, отмечался исследователями [Napier 1972, p. 52], что привело к дискуссиям, в результате которых сложились различные классификации [Forth 2008, pp. 188–189] – об основных из них было упомянуто ранее. В ходе анализа гималайского йети, американского сасквотча и китайского «дикого человека» Г. Форт выделил отличительную особенность – наличие бимодальных вариаций – одновременное существование разновидностей, которые соответственно крупнее и мельче местных людей [Forth 2007, p. 255]. Таким образом, зафиксированные различия в росте скорее подтверждают существование единого ойко-типа, чем дробят его.

Описания признаков присутствия в настоящем и в прошлом

Основные признаки присутствия «дикого человека» в настоящем, т. е. в актуальной ситуации, совпадают по всему региону – это свист, визг или крик, ощущение удушья или тревоги, вплоть до паралича, и резкий запах. Однако разнится наиболее типичный признак: у шерпов и тибетцев – это все же будет свист или протяжный крик. Есть уточнение, что чаще его можно услышать после полудня или вечером.

В Бутане, однако, более частотным маркером выступает неприятный запах. В тексте «Воры хвоста мула» этот запах исходит как от тела погибшего «дикого человека», так и от его живой самки¹⁶. В тексте «Чувство обоняния мигоя» есть описание запаха «дикого человека» и небольшой комментарий о пастушьих практиках – сжигании ароматных растений или же резко пахнущих веществ:

¹⁵ *Nebesky-Wojkowitz R., von.* Where the gods are mountains. Three years among the people of the Himalayas / transl. from the German by M. Bullock. L.: Weidenfeld and Nicholson, 1956. P. 60.

¹⁶ *Kunzang Choden.* Op. cit. P. 43–51.

Ветер принес с собой запах отвратительного, ядовитого зловония, которое производило подавляющее впечатление. Как и все пастухи, каждое утро двое мужчин сжигали ветви можжевельника, карликовой азалии и других приятно пахнущих трав, цветов и корней. Эти «сожжённые подношения» приятных запахов, называемые санг, удовлетворяют и успокаивают добрых духов, обитающих в дикой природе; таким образом, они защищают пастухов и их животных и обеспечивают приятные погодные условия. Но является ли мигой добрым или злым духом? Должен ли пастух сжигать санг или сур при встрече с мигой? Сур – это сжигание зловонных, ядовитых и резких по запаху веществ, таких как перец, чили, мясо и грязные куски ткани, чтобы прогнать злых духов¹⁷.

Часто очевидец описывает комбинацию следов присутствия, например, Норман Диренфурта, участник второй швейцарской экспедиции на Эверест 1952 г., объясняет свое удущье сильным запахом мускуса, исходящим от «дикого человека», который приблизился к его палатке¹⁸.

Самый распространенный признак присутствия «дикого человека» в каком-то месте в прошлом – следы на снегу. Как правило, они противопоставляются известным следам животных, отличаются от них и больше походят на человеческие. Особенное внимание следам уделяли европейские путешественники, обращая внимание на размер и форму (есть ли выраженность пятки и пальцев), но сообщали противоречивые сведения. Встречается упоминание вывернутых наизнанку ног в поверье у шерпов. Помимо следов, на недавнее присутствие «дикого человека» указывают выпотрошенные животные, неприятный запах, помет. Также есть свидетельства об обнаружении гнезд (из можжевельника у шерпов¹⁹, из мха, ветвей деревьев, лошадиных волос и травы в Бутане²⁰). Помимо этого, уникальным маркером можно назвать небольшие пирамидки из веточек («дикий человек» не умеет разводить огонь, но видя, как это делают люди, подражает им), которые вкупе с надкусанными луковицами указывают на недавнее присутствие «дикого человека»²¹.

¹⁷ Ibid. P. 30.

¹⁸ Информационные материалы Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». Вып. 1. С. 50.

¹⁹ Там же. С. 38.

²⁰ *Kunzang Choden*. Op. cit. P. 43–51.

²¹ Ibid. P. 123.

Среда обитания

Средой обитания можно назвать границу между вечными снегами и лесом²². Вариантом может быть «граница травы, которую едят яки» у лепча²³. И граница эта подвижна в течение года – зимой «дикий человек» спускается с гор ближе к людям. Есть две трактовки такого поведения: зимой становится холоднее, и «дикий человек» идет пониже в тепло; или же зимой люди сами реже поднимаются в высокогорные районы, поэтому «дикий человек» спускается на освободившиеся территории. Также место обитания описывается как «в самых высоких горах» у лепча²⁴ или же в «в области вечных снегов» у тибетцев²⁵.

Помимо определения современного места обитания «дикого человека», упоминается о его перемещении в историческом прошлом. Таманги рассказывают, что «дикий человек» раньше жил у них в Непале, но давно ушел к шерпам²⁶. Лепча, в свою очередь, говорят, что «горный дикарь», *тхлех-мунг*, ушел из-за вырубki лесов, но все еще живет в Непале²⁷.

К крайним случаям отдаления персонажей от мест проживания человека можно отнести рассказы об их уничтожении. В Непале, например, «дикие люди» уничтожали посеы и были сами уничтожены в ответ – шерпы оставляли чаны с отравленным питьем у деревень; немногочисленные оставшиеся в живых «дикие люди» теперь держатся подальше от человека²⁸. Такого рода описания создают одновременно и временную и пространственную дистанцию между говорящими и «диким человеком», относя его на /за границу обитаемого пространства.

Встреча с «диким человеком» чаще всего происходит около, но вне обжитого пространства – около селений, монастырей (или хижины для медитации), пастбищ, на перевале или у реки. Если «дикий человек» не помещается в прошлое, а приходит «сейчас» в монастырь, то он описывается нейтрально (например, он играет в снежки в Непале)²⁹ и/или пугающе (Непал,

²² Иззард Р. По следам снежного человека. М.: Государственное изд-во географической литературы, 1959. С. 85.

²³ Информационные материалы Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». Вып. 1. С. 27.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 12.

²⁶ Там же. С. 28.

²⁷ Там же. С. 26.

²⁸ Там же. Вып. 2. С. 48.

²⁹ Там же. Вып. 1. С. 21.

Бутан)³⁰; приходя же на мельницу – вредит, съедая муку (шерпы, Индия, Непал)³¹.

Выделяется бутанский текст, в котором герой целенаправленно отправляется на поиск «дикого человека» по его следам. Он находит его жилище через три дня пути, что не помешало ему потом привести туда всю деревню³². Однако в подавляющем большинстве текстов встреча происходит на границе обжитого пространства.

В случае же, если люди, как правило, случайно приходили на его территорию (пастбища, перевалы, лагеря экспедиций), то они могли обнаружить его следы присутствия в прошлом и в настоящем или же взаимодействовать с ним.

Помещение «дикого человека» на границу может являться примером мифопоэтической разметки пространства. Согласно В.Н. Топорову, «вещи не только конструируют пространство через задание его границ, но и организуют его структурно, придавая ему значимость и значение» [Топоров 1983, с. 234], что в случае с «диким человеком» маркирует пространственно-временной переход от обжитого пространства к необжитому, т. е. дикому. Яркий пример приведен в лапском тексте (Бутан): *полупринадлежащие пастбища*, где скот держали как минимум шесть месяцев в году³³.

Важно отметить относительно места обитания «дикого человека» параллель у микир, проживающих в штате Ассам в Индии, недалеко от границы с Бутаном. Микир называют «дикого человека» *кенглонг-по* – «без суставов» (т. е. *негнущийся*)³⁴. В концепции микир присутствуют разные степени взаимодействия человека и окружающей среды: от антропогенного пространства домашнего очага и деревни до более привычного, но все еще ненаселенного *рама*, и далее – до незнакомого, густого и практически недоступного (*ингнам(ни)*). Нечеловеческие сущности играют роль в разделении этих степеней, поскольку присутствие духов наиболее значительно и представляет угрозу в густом лесу, уменьшается в *рама* и сводится к минимуму (или становится управляемым) в антропогенном домашнем пространстве [Tita, Ronghangpi 2023, p. 129].

³⁰ Там же. С. 15, 36, 39–40, 53; Вып. 6. С. 12; *Kunzang Choden*. Op. cit. P. 130, 132.

³¹ Там же. Вып. 1. С. 47; Вып. 2. С. 69.

³² *Kunzang Choden*. Op. cit. P. 87–95.

³³ Ibid. P. 55–61.

³⁴ В бутанских текстах также упоминается неспособность мигоя сгибаться (*Kunzang Choden*. *Bhutanese tales of the yeti*. P. 35).

Описания особенностей «дикого человека»

Питается «дикий человек» разнообразно, в основном тем, что найдет: насекомыми, мелкими млекопитающими, а также корнями и другими частями растений. В некоторых текстах отмечается страсть к «деликатесам», к которым относятся особый сорт глины (шерпы)³⁵, пищуха³⁶, бамбук и папоротник (Непал)³⁷, лук (Бутан)³⁸ или черные лягушки (Непал)³⁹. Тибетцы отдельно подчеркивают, что «дикий человек» не ест внутренности⁴⁰. Также в Бутане отмечен отличный способ поедания пищи «диким человеком» – он держит пищу в руках и ест только то, что торчит с обеих сторон кулаков; пища, оставшаяся в его кулаках, затем выбрасывается⁴¹. Пищевые предпочтения и/или способ поедания пищи, как правило, являются маркерами «дикого человека», по которым его можно отличить от других существ.

Иногда «дикий человек» забредает на мельницу, и тогда он съедает муку, но это описание вредительства, а не пищевого рациона. В случае, если он похищает человека и вынужден его кормить, то приносит свежее мясо, которое человеку приходится есть сырым. Если же «дикий человек» приходит к людям, то он не отказывается ни от лепешки, ни от алкогольного напитка и гибнет из-за этого. Но в случае попадания в плен к людям «дикий человек» может отказаться от еды и умереть.

«Дикий человек» не владеет речью и не понимает человеческого языка. Между собой «дикие люди» могут общаться с помощью предметов, например показывать падение, роняя палку. Интересной особенностью является противопоставление издаваемых ими звуков и человеческой речи. В Бутане «дикий человек» не использует интонацию, в то время как шерпы ее отмечают. Исключение представляет демоническое существо *миргола* в Бутане, противопоставляемое непосредственно «дикому человеку» *мигою*⁴². Помимо этого, в сказке лепча описывается встреча с *на-онгом*, который

³⁵ Информационные материалы Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». Вып. 1. С. 41.

³⁶ Там же. С. 32, 36–37.

³⁷ Там же. Вып. 2. С. 69.

³⁸ Там же. Вып. 11. С. 97; *Kunzang Choden*. Op. cit. P. 10, 121.

³⁹ Информационные материалы Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». Вып. 2. С. 63.

⁴⁰ Там же. Вып. 1. С. 37.

⁴¹ *Kunzang Choden*. Op. cit. P. 5.

⁴² Ibid. P. 116.

также может разговаривать⁴³. Оба приведенных персонажа явно отстоят от преобладающего образа «дикого человека».

Обращение «дикого человека» с огнем различается в описанном регионе. Тибетцы и шерпа считают, что «дикий человек» боится дыма или огня, например человек спасается от преследования «дикого человека», забежав в дом, успев развести огонь и швырнув горящую головешку в щель на улицу, где оставался «дикий человек» (шерпы)⁴⁴. В то же время бутанские тексты указывают на отсутствие такого страха. Например, «дикий человек» приходит погреться к костру или не покидает пещеру, в которой девушка разводит огонь, и дорого за это платит. Он подражает ей при поедании масляной лепешки, и она умышленно вытирает масло об тело. Когда шерсть дикого человека пропитывается маслом, она подкладывает в его лепешку угольки, подносит свою к огню – он повторяет за ней эти действия и вспыхивает⁴⁵. Также «дикий человек» хотел бы поддерживать костер, как это делают люди, за которыми он подглядывал, но никак не может развести его сам, поэтому только складывает бесполезные кучки из веточек – в Куртеде (Бутан) у человека, у которого есть дрова, но он не разводит огонь, спрашивают: «Ты что, мигой?»⁴⁶.

У «дикого человека» нет навыка изготовления орудий. Согласно бутанскому тексту, его победили, просто заняв его руки – он ловил палки и не знал, что с ними делать⁴⁷. Но шерпы описывают его как игривое существо – может играть в свежесвыпавшем снегу, развлекаться, притягивая ветки к земле, и бросаться каменными глыбами⁴⁸. Может, подражая человеку, драться палками и оружием – для этого шерпы разыгрывали постановочный бой, а на следующий день «дикие люди» повторяли их действия и истребили друг друга⁴⁹.

Выводы

Таким образом, выделенные признаки «дикого человека» в целом схожи в регионе, однако бутанские описания выделяются

⁴³ *Beauvoir Stocks C., de*. Op. it. P. 457–458.

⁴⁴ *Стопор Ч.* Указ. соч. С. 168–169.

⁴⁵ *Kunzang Choden*. Op. cit. P. 11–19.

⁴⁶ *Ibid*. P. 87–89.

⁴⁷ *Ibid*. P. 121.

⁴⁸ Информационные материалы Комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке». Вып. 2. С. 50–51.

⁴⁹ *Shiva Dhakal*. Op. cit. P. 48–49.

по ряду параметров. Бутанский «дикий человек» не боится огня, не использует интонацию, его шерсть растет в разном направлении относительно локтя (а не середины туловища), а признаком присутствия в настоящем чаще будут запах или телесные ощущения, чем звуки. Тем не менее, поскольку принадлежность к одному ойкотипу, как это свойственно фольклорным традициям, отнюдь не исключает некоторого диалектного варьирования в рамках набора признаков, определяющих данный тип, не затрагивая, однако, их доминантной структуры, которая прослеживается в проанализированных текстах, выделенный ойкотип представляется устойчивым в данном регионе.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-01119, <https://rscf.ru/project/24-18-01119>.

Acknowledgements

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 24-18-01119, <https://rscf.ru/project/24-18-01119>.

Литература

- Альбедиль 2025 – *Альбедиль М.Ф.* Гималайский йети: реальное существо или вымышленный персонаж? // Кунсткамера. 2025. № 3 (29). С. 96–104.
- Топоров 1983 – *Топоров В.Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура / отв. ред. Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1983. С. 227–284.
- Forth 2007 – *Forth G.* Images of the wildman inside and outside Europe // Folklore. 2007. Vol. 118. No. 3. P. 261–281.
- Forth 2008 – *Forth G.* Images of the wildman in Southeast Asia. An anthropological perspective. L.; N.Y.: Routledge, 2008. 360 p.
- Napier 1972 – *Napier J.R.* Bigfoot: The yeti and sasquatch in myth and reality. N.Y.: E.P. Dutton & Co, 1972. 240 p.
- Oppitz 1968 – *Oppitz M.* Geschichte und Sozialordnung der Sherpa. Innsbruck; München: Universitätsverlag Wagner, 1968. 170 S.
- Swami 1957 – *Swami P.* The abominable snowman // Journal of Bombay Natural History Society. 1957. Vol. 54. P. 358–364.
- Tita, Ronghangpi 2023 – *Tita M., Ronghangpi K.* The relationship between the Karbi and the dense forest environment: The role of the Kenglong-Po and other entities // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2023. Vol. 17. No. 2. P. 117–134.

References

- Albedil, M. (2025), "Himalayan yeti: Real creature or folklore character?", *Kunstkamera*, vol. 29, no. 3, pp. 96–104.
- Forth, G. (2007), "Images of the wildman inside and outside Europe", *Folklore*, vol. 118, no. 3, pp. 261–281.
- Forth, G. (2008), *Images of the wildman in Southeast Asia. An anthropological perspective*, Routledge, London, UK, New York, USA.
- Napier, J. (1972), *Bigfoot: The yeti and sasquatch in myth and reality*, E.P. Dutton & Co, New York, USA.
- Oppitz, M. (1968), *Geschichte und Sozialordnung der Sherpa*, Universitätsverlag Wagner, Innsbruck, Austria, München, Germany.
- Swami, P. (1957), "The abominable snowman", *Journal of Bombay Natural History Society*, vol. 54, pp. 358–364.
- Tita, M. and Ronghangpi, K. (2023), "The relationship between the Karbi and the dense forest environment: The role of the Kenglong-Po and other entities", *Journal of Ethnology and Folkloristics*, vol. 17, no. 2, pp. 117–134.
- Toporov, V.N. (1983), "Space and text", in Tsivyan, T.V., ed., *Tekst: semantika i struktura* [Text: semantics and structure], Nauka, Moscow, Russia, pp. 227–284.

Информация об авторе

Виктория Б. Новикова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; jbranchik@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-5947-8661

Information about the author

Victoria B. Novikova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; jbranchik@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-5947-8661